

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ЧЕЛОВЕКА,
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТЕЛУ ЖЕНЩИНЫ
ГЛАЗАМИ ЮНОШИ,
ИЗУЧАЮЩЕГО НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

О пользе изучения иностранных языков написано очень много. Во всех этих рассуждениях, однако, не хватает описания влияния такого изучения на внутренний жизненный мир обучающегося этому языку. Если же учесть, что учащегося как такового не существует, а есть ученик и ученица, студент и студентка, то картина языкового влияния и вовсе расплывается. Однако можно попытаться представить себе, что происходит с самосознанием романтического юноши, изучающего, в частности, немецкий язык в тайной надежде поразить свою настоящую или будущую подругу (землячку, знакомую по переписке, иностранного коллегу по совместному проекту и т.д.) знанием тонкостей иной культуры и языка.

Исходя из усвоенной русской языковой картины женщины и интуитивно предполагая, что в женщине все должно быть женским, индивид смело отправляется в языковое путешествие по телу женщины, не подозревая о том, какие опасности его ждут на этом пути. Он знает, что, как и в русском языке, существительные могут быть женского, мужского и среднего рода и все это фиксируется с помощью определенных артиклей *die, der, das*. Он понимает также, что степень овладения языком оценивается по точности употребления того или иного определенного артикля и потому строго следит за этим.

Первое, на что обращает внимание юноша, — это женское лицо. Здесь результаты оказываются обнадеживающими, ведь многие слова с точки зрения грамматического рода совпадают: лицо — *das Gesicht*, губа — *die Lippe*, щека — *die Wange*, бровь — *die Braue*, ухо — *das Ohr*. Трудности с определением глаза через средний род — *das Auge* — легко решаются припоминанием возвышенного — “око”, а наименование лба и носа в женском роде — *die Stirn, die Nase* — придает даже

некоторую, пусть и необычную, но все же романтичность женскому образу (“мне нравится твоя нога и твоя открытая лба меня очень привлекает”).

Однако же последующее движение перечеркивает все надежды и повергает в парализующее изумление. В самом деле, если зайти сзади, то женская шея и спина оказываются существительными с артиклями мужского рода (*der Nacken* и/или *der Hals*, *der Ruecken*). То, что ниже спины, именуется как угодно, но только не в женском роде (*das Gesaess*, *das Hinterteil* и т.д.), и ученик вынужден стыдливо-растерянно обозначить его как “оно 1”. И даже столь очаровательное явление, как женская ножка, расплывается в неопределенности среднего рода — *das Bein* (которое получает наименование “оно 2” — ведь не скажешь же “нога”). Попытка сказать некий комплимент превращается во внутреннем монологе, переводимом на иностранный язык, в некое чудовищное иронизирование: “какой у тебя нежный шей, а какой волнующий спин, какое замечательное “оно 1” и стройное “оно 2”... Утешиться можно лишь талией — *die Taille* (хотя само слово имеет французское происхождение) и бедром (*die Huefte*).

Рассмотрение в анфас также не спасает ситуации. Рука оказывается — *der Arm*, — и про женскую ручку уже невозможно восторженно говорить (“хочется поцеловать ваш правый рук?”). Апофеоз и тупик путешествия — это обозначение женской груди, самого, может быть, волнующего элемента женского образа. Но и здесь происходит нечто странное: если грудь как часть тела еще “она” — *die Brust*, то попытка сказать нечто возвышенно-лирическое про женскую грудь, подчеркнуть некую мягкость, округлость и прочие интересные моменты наталкиваются на жесткий предел — поэтический термин может быть употреблен только в мужском роде — *der¹ Busen*. После такой констатации уже невозможно возвышенно сказать что-нибудь вроде: “на груди природы”, ибо в переводе — “*am Busen der Natur*” — это звучит непривычно твердо.

Переход на уровень более абстрактных понятий приносит некоторое облегчение. Как и во многих других языках, наиболее общее понятие — “человек” — употребляется в мужском роде и имеет артикль мужского рода — *der Mensch*. При этом, однако, достаточ-

но поставить артикль среднего рода, и происходит весьма странное превращение: вместо человека появляется *das Mensch* — дрянная женщина, дрянь².

Дискриминация продолжается и на более конкретном уровне. Женское начало заменяется неким средним, бесполом. Тогда и девочка оказывается *das Maedchen*, а женщина — ныне уничижительным *das Weib*. Даже само понятие “жизнь” лишается признака женского — ведь это лишь *das Leben*. Уже невозможно спеть в немецкой компании бодрую песню: “я люблю тебя, жизнь!”, ибо как непосредственно любить “оно”³? Гендерные черты проявляются только в образе смерти — *der Tod*. Смерть в образе мужчины позволяет лучше понять некоторые мотивы средневековой немецкой культуры, например, мотив “девушки и смерти”, которые в русском переводе приобретают оттенок специфических женско-женских отношений, в то время как в немецкой традиции — это жестокая и вечная борьба мужского и женского⁴.

Итог путешествия печален: желание русского юноши говорить комплименты немецким девушкам, петь соловьиные песни постепенно исчезает. На смену романтическому желанию приходит уныло-равнодушная констатация плюрализма языковых картин общества, человека и, что особенно обидно, женщины⁵. Становится ясно, что изучение немецкого языка вовсе не усилило мужскую идентичность, а ослабило ее, перенеся множество мужских характеристик на женщину⁶. Можно, конечно, пуститься на разные ухищрения, например, употреблять все существительные во множественном числе: ведь определенный артикль женского рода — *die* — и определенный артикль множественного числа — *die* — совпадают. Любить в плюрале, во множественном числе, конечно, можно, но как быть с уникальностью любимого существа и уникальностью чувства к нему? Результат учебного путешествия трагичен: становится ясно, что русский юноша никогда не сможет по-настоящему объясниться в любви немецкой девушке, а если и сделает это, то объяснение может оказаться плоским, мучительным и неубедительным (хотя обратное, наверное, необязательно).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта тема блестяще разработана М. Твеном в его путевых заметках “Пешком по Европе” (*Твен М. Собр. соч. Т.5. М., 1960. С.405—412*). Мы же предпринимаем лишь скромную попытку развить некоторые его наблюдения.

² *Langenscheidtswoerterbuch der russischen und deutschen Sprache. Berlin; Muenchen, 1994. S.348*. Из-за особенностей компьютерного набора повсюду в тексте умлаут заменен на буквенные сочетания.

³ Справедливости ради надо заметить, что возможен перевод этого термина и в среднем роде: старинное слово “житие”, употребляемое ныне с оттенком архаики, на наш взгляд, является более емким и многозначным по сравнению с более естественнонаучным — “жизнь”.

⁴ Образ смерти-мужчины замечательно представлен в фильме великого немецкого режиссера Фрица Ланга “*Der muede Tod*” (“Усталая смерть”. 1921).

⁵ Мы не касаемся здесь перевода понятий, связанных с характеристикой общества и социального поведения индивида. Однако даже некоторые примеры могут дать представление о значительных расхождениях в этой области социального знания. Так, употребляются в женском роде следующие понятия: общество — *die Gesellschaft*, класс — *die Klasse*, контроль — *die Kontrolle*, язык — *die Sprache*, действие — *die Handlung*, изменение — *die Veraenderung*, порядок — *die(!) Ordnung*, управление — *die Verwaltung*, приспособление — *die Anpassung* и т.д. В мужском роде: государство — *der Staat*, ценность — *der Wert* и т.д. В среднем роде употребляются такие понятия, как институт — *das Institut*, закон — *das Gesetz*, интерес — *das Interesse*, потребность — *das Beduerfnis* и т.д. Все вышеуказанные примеры свидетельствуют о серьезных различиях в языковой картине общества в немецком и русском языках.

⁶ Здесь, в свою очередь, возникают вопросы по поводу языковой картины мужчины в русском языке: ведь если у “него” есть рука, нога, голова, грудь, шея и другие части тела, употребляемые в женском роде, то что же там остается мужского? Трагизм изучения немецкого языка состоит в том, что оно обрачивается усиленной саморефлексией по поводу своей родной, отечественной языковой картины, и тогда происходит вышеупомянутое неприятное открытие языкового парадокса: мое мужское тело, мой мужской образ я могу описать только через понятия и термины женского рода. Однако главным является не это обстоятельство, а то, что русский образ мужчины (юноши) с точки зрения немецкой девушки и немецкой женской языковой интуиции будет выглядеть весьма аморфным или, отважимся на более смелое утверждение, женственным. Таким образом, мы можем зафиксировать взаимные несовпадения языковых ожиданий и представлений, что препятствует возникновению эффективного вербального взаимодействия. При этом мы ничего не говорим о языке

жестов и мимики, с помощью которого часто с легкостью разрешаются, вероятно, все вышеназванные проблемы.